

РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И АПРЕЛЬСКОЕ БОЛГАРСКОЕ ВОССТАНИЕ 1876 ГОДА

И. Козьменко

Крымская война вызвала в русском обществе не только интерес к Балканам (наличие его можно было констатировать и раньше), но и попытки помочь освобождению балканских народов, и в первую очередь болгар. После окончания войны те же стремления нашли своё организационное оформление в образовании в 1858 г. Московского славянского комитета¹, который завязал оживлённые сношения с славянами, в частности с болгарами. Он помогал им в развитии школьного дела, поддерживал славян, учившихся в России, установил связи с представителями болгарского национального движения. Как известно, в болгарском национальном движении XIX в. можно было различить два основных направления: правое, объединившее круги болгарской буржуазии как внутри Османской империи, так и вне её пределов (в России, Румынии), и левое, представленное болгарской демократической интеллигенцией, главным образом молодёжью, учившейся за границей и затем вернувшейся на родину в качестве учителей, журналистов,

врачей, ремесленников и т. д. Представители первого течения стремились к уничтожению бесправного положения болгар, добивались признания болгарского языка в качестве официального и принимали деятельное участие в борьбе за национальную болгарскую церковь. Однако они никогда не ставили вопроса об уничтожении турецкого господства путём всенародного восстания, а предпочитали добиваться реформ от турецкого правительства. В 1867 г. они выступили с проектом создания турецко-болгарского дуалистического государства. За ними установилось название «старых», присвоенное им сторонниками революционного течения, которых обычно называли «молодыми». Последние в отличие от «старых» признавали действительным только путь революционной борьбы, борьбы за уничтожение турецкого господства.

Московский славянский комитет находился в постоянной связи главным образом с представителями правого буржуазного крыла. В известные моменты Комитет и его отделения поддерживали связи и с новым революционным течением в Болгарии. Объяснялось это тем, что русские панслависты, игравшие в Комитете главную роль, считали что крушение Османской империи могло произойти только в результате восстания самих балканских народов, поднять которое

¹ Возникший в 1858 г. Московский славянский комитет имел отделения в Петербурге и Киеве. История его возникновения освещена С. Никитиным в подготовленной им к печати работе «Русское общество и вопросы балканской политики России».

могли более решительные и радикальные деятели.

Летом 1875 г. вспыхнуло восстание в Боснии и Герцеговине, осенью того же года — в Болгарии. Восстание в Болгарии потерпело неудачу, и началась подготовка нового восстания. Всё это возбудило в кругах Славянского комитета надежду на гибель Оттоманской империи и стремление воспользоваться этим для осуществления своих целей — окончательного решения восточного вопроса. Славянские комитеты интересовались болгарскими событиями с точки зрения значения их в общем ходе дел на Балканах. Вот почему ещё в декабре 1875 г., когда на одном из заседаний так называемой Герцеговинской комиссии² Петербургского отделения Московского славянского комитета³ обсуждался вопрос об оказании помощи герцеговинцам и черногорцам, член комитета Н. А. Киреев⁴ в своём выступлении подчеркнул мысль, что нельзя забывать и о Болгарии, в деле освобождения которой также необходима помощь. Решено было из средств Комитета выделить 20—30 тысяч на помощь болгарам. Помощь эта, однако, оказана не была, поскольку не было веры в успех освободительного движения в Болгарии⁵.

Однако мысль об оказании поддержки готовящемуся в Болгарии восстанию не покинула Киреева, и он всячески старался склонить к этому и Комитет. Председатель Петербургского комитета кн. А. И. Васильчиков из-за отказа от участия в этом, весьма сомнительном, по его мнению, предприятии⁶.

² Герцеговинская комиссия возникла в 1875 г. для сбора средств в пользу восставших герцеговинцев.

³ В дальнейшем Петербургское отделение Московского славянского комитета будем называть Петербургским славянским комитетом — названием, упрочившимся за ним уже в то время.

⁴ Николай Алексеевич Киреев, гвардейский офицер, вышел в отставку в 1875 г. и занялся исключительно делами Славянского комитета. Он правильно указывал, что нельзя замыкаться в узких рамках только герцеговинского, черногорского или боснийского вопросов, а нужно будить и Болгарию с её миллионным населением, а также привлечь Грецию и Албанию. — Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева. 1876, К-6, л. 127.

⁵ Иванов И. «Болгарское ополчение и его формирование в 1875—1879 гг. Заметки и воспоминания». Сб. статей, стр. 120—121. Кишинёв. 1896. Автор воспоминаний — болгарин по происхождению, кишинёвский исправник, председатель Кишинёвского болгарского благотворительного общества, организованного в 1871 г., один из активных деятелей болгарского национально-освободительного движения, участник организации болгарского ополчения в составе русской армии в 1877 году.

⁶ Голубев А. «Князь Александр Илларионович Васильчиков. 1818—1881», стр. 114. СПб. 1882.

Вопрос о Болгарии вновь возник на совещании той же Герцеговинской комиссии 27 марта 1876 года. На совещании присутствовали болгары, указавшие на ужасное положение Болгарии: турки «дошли уже до крайних пределов варварства и деспотизма, что хуже уже быть не может, что Болгария и так грызёт до смерти». В цитируемом источнике, к сожалению, не приведены имена присутствовавших на собрании болгар. Но из письма члена Петербургского комитета Ф. Левшина к Уварову от 10 апреля 1876 г. мы узнаём, что это были представители болгарских повстанческих комитетов⁷.

На заседании 27 марта болгарам не удалось убедить членов Комитета в необходимости помочь Болгарии. Комитет считал, что поднимать Болгарию только для того, чтобы отвлечь турок от Герцеговины и Боснии, значило бы пожертвовать сотнями людей, а сделать «нечто действительное» трудно, потому что нет денег. Кроме того считалось, что Европа, которая, вероятно, согласится дать автономию Герцеговине и Боснии, не пойдёт на то, чтобы покончить с Европейской Турцией; «ведь болгар, — говорил же на заседании, — около 6 000 000. Что же останется от Европейской Турции, тем более, что к восстанию предполагается привлечь Эпир, Фессалию, Кандию и Албанию». Несмотря на такую точку зрения Комитета, для выяснения международной ситуации и места, которое занимает славянский и, в частности, болгарский вопрос в сферах европейской дипломатии, Николай Киреев был послан в Берлин, где в это время происходило совещание прусского, русского и австрийского министров иностранных дел. В апреле Киреев прибыл в Берлин и встретился там с русским консулом в Черногории А. С. Иониним и председателем Международного общества помощи герцеговинцам Г. С. Веселитским-Божидаровичем. Все трое с нетерпением ожидали результатов берлинской конференции. Киреева особенно интересовала судьба Болгарии. Это видно из дневника его брата Александра: «Там (в Берлине. — И. К.), очевидно, должно решиться всё дело, вероятно, автономия будет гарантирована серьёзно. Но что будет с Болгарией? Её, вероятно, отдадут на съедение турок, пока эти незваные гости не дождутся второго акта, т. е. такого же восстания в Болгарии, как то, которое теперь идёт в Герцеговине»⁸. Но никаких особых решений о Болгарии не последовало, хотя вопрос о ней, возможно, и обсуждался на заседаниях конференции.

Почти одновременно с отъездом Н. Киреева в Берлин на Балканы направился ге-

⁷ Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева. К-6, л. 117, запись от 28 марта.

⁸ Там же. Фонд Н. Попова. М. 3602.

⁹ Там же. Дневник А. А. Киреева. К-6, л. 117.

¹⁰ Там же. Дневник А. А. Киреева. К-6, л. 120.

нерал М. Г. Черняев¹¹. Этот «герой» азиатских походов русского царизма уже в 60-х годах проявил интерес к балканским делам и стал одним из активных практических проводников идеи великодержавного панславизма. Будучи членом Петербургского славянского комитета, он при содействии председателя Московского славянского комитета И. С. Аксакова весной 1876 г. уехал в Сербию. Поездка эта была предпринята вопреки запрещения правительства. Отметим, что русское правительство в славянском вопросе в это время придерживалось крайне двойственной позиции. С одной стороны, оно негласно поощряло славянское движение, деятельность славянских комитетов, движение добровольцев, посылая деньги для оказания помощи пострадавшим болгарам, с другой стороны, оно запрещало проводы добровольцев, задерживало Черняева. Оно нигде не заявило о своём сочувствии болгарам, единственным выражением этого явилось опубликование в «Правительственном вестнике» документов «о турецких зверствах» (июль, 1876). Верность «союзу трёх императоров», сознание своей слабости, страх перед европейской коалицией побуждали его к воздержанию от каких-либо решительных действий. Впоследствии рост революционного движения в стране, боязнь усиления Австрии на Балканах и опасение подорвать там свой престиж заставили правительство принять решительные меры и, нарушив «европейский концерт», самому взяться за разрешение восточного и, в частности, болгарского вопроса.

По дороге в Сербию Черняев в Румынии вёл переговоры с представителями болгарских повстанческих комитетов, которые предлагали ему возглавить движение¹². Много позднее, в октябре 1876 г. Черняев писал Аксакову: «Когда болгарские комитеты предлагали мне взять непосредственно в мои руки руководство восстанием с титулом верховного вождя, то я отвечал им, что если мне удастся дойти с сербами до Софии, то я оставлю сербов и перейду к ним. До того же времени я нисколько на себя обязательств взять не могу, чтобы не возбудить напрасно надежд и не быть причиною бесполезных жертв»¹³. Дав такой ответ, Черняев поехал далее в Сербию.

¹¹ Об обстоятельствах отъезда Черняева см. Дурново Н. «К истории сербо-турецкой войны 1876 г.». «Исторический вестник» за 1899 г., стр. 531—537.

¹² Это подтверждается письмом И. С. Аксакова секретарю Московского славянского комитета Нилу Попову. Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Фонд Н. Попова. М. 3602.

¹³ Там же. Дневник Ф. В. Чижова за 1876 год. В записи от 28 октября дан список письма Черняева к Аксакову от 24 сентября — 2 октября из Делиграда (цитируемое место, л. 151. Чиж/28). В октябре 1876 г. Черняев предполагал, получив подкрепление, двинуться из Сербии в сторону Болгарии, но поражения, нанесённые Сербии турками, не дали осуществиться его замыслам.

Черняев надеялся на то, что выступление Сербии и Черногории придаст событиям больший размах, чем этого можно было ожидать в то время от выступления болгар. Всё же он не прекратил связей с болгарями. Редактировавшаяся им газета «Русский мир» одна из первых сообщила о подготовке и начале болгарского восстания. В дальнейшем в ней печатались подробнейшие корреспонденции из тырновского повстанческого округа.

Тем временем, в Болгарии продолжалась подготовка к восстанию. Выступление должно было состояться 11 мая, в день Кирилла и Мефодия. Но в среде повстанческих комитетов нашёлся предатель, выдавший все планы туркам. Последние начали подтягивать войска. Тогда представители панагюрского революционного округа (южная Болгария) решили выступить до установленного срока. Восстание началось в конце апреля 1876 года. Турецкие власти при помощи направленных в Болгарию банд вооружённых черкесов зверски расправились с повстанцами. Целые селения и города вместе с их населением были стёрты с лица земли. Погибло около 30 тыс. болгар. К концу мая восстание было окончательно подавлено.

Неудача восстания объяснялась прежде всего превосходством сил и вооружения у турок. С другой стороны, сказались и отсутствие единого руководства. Гюргевский (Румыния) центральный комитет, принявший было на себя роль руководителя, ничем себя не проявил в период самого восстания, комитеты округов и местные революционные организации действовали совершенно самостоятельно, оторванно друг от друга; не было согласия между вождями, часто возникавшие противоречия между ними переходили даже во враждебные отношения. В результате население отдельных местностей Болгарии не знало о готовившемся вооружённом выступлении против турок. В ряде мест подготовка к восстанию была настолько слаба, что нельзя было и думать о выступлении. Апрельское восстание 1876 г. тем не менее имело большое значение в деле активизации борьбы болгарского народа против турецких поработителей. С этого времени мысль о необходимости сбросить с себя турецкое иго стала достоянием народа¹⁴. Кроме того необходимо подчеркнуть, что это потерпевшее неудачу восстание имело глубокий резонанс в Европе, особенно в России, в результате которого болгарский вопрос приобрёл очень крупное значение в области международных отношений.

Первые сведения о почти поголовном истреблении болгарского населения ряда округов южной Болгарии собрал один из членов филиппопольской церковной общи-

¹⁴ См. Станев Н. «България под иго. Възраждане и освобождение, 1398—1878». София. 1928; Страшимиров Д. «История на априлското въстание». Т. III. Пловдив. 1907.

ны Иван Гешов. Собранный материал он перевёл на английский язык и, при посредстве болгарской колонии в Константинополе, сообщил собранные данные дипломатическим представителям иностранных держав в Турции и ряду иностранных корреспондентов. Последние с разной степенью успешности сообщили о случившемся своим правительствам и редакциям.

Первые сообщения Международного телеграфного агентства о событиях в Болгарии относятся к 24—30 апреля (ст. ст.) 1876 года. Они вызвали большой интерес в странах Европы и в Америке. Редакции многих газет спешно отправили к месту событий своих корреспондентов, другие — перепечатавали наиболее интересные сообщения из других газет. Раньше всех на события, как будет видно далее, откликнулась русская и отчасти австрийская пресса. В июне появились первые сообщения в английской печати.

Зверства турок вызвали страшное возмущение общественного мнения в Европе. Виктор Гюго написал гневный памфлет, в котором предавал проклятию равнодушных правителей Европы, спокойно взиравших на невиданные зверства, совершавшиеся на их глазах¹⁵. Французский журналист Эмиль Жирарден в ряде статей осуждал правительство Турции, а также европейские державы, допускавшие существование Порты — этого «позора Европы»¹⁶.

Глубокое сочувствие народных масс и прогрессивных деятелей вызвали «болгарские ужасы» в Англии. Наряду с этим болгарский вопрос стал там предметом партийной борьбы между туркофильски настроенными консерваторами и оппозиционными им либералами¹⁷.

Борьба туркофильских элементов со сторонниками решительных действий против Турции была характерна для стран Западной Европы. Она находила своё выражение как в мнении общественных кругов, в высказываниях печати, так и, особенно ярко, в направлении внешней политики.

Совершенно иное настроение наблюдалось в России. Здесь ни в правительстве, ни в обществе не оказалось туркофилов. Уже герцеговинские события 1875 г. дали мощный толчок к развитию славянского движения в России, возбудив большое сочувствие, преимущественно в народных массах. Живой отклик движение получило также и в либеральных кругах и в среде народников. Славянские комитеты приняли энергичные меры к развитию такого отношения русского общества к событиям в Герцеговине. Для этого были использованы все средства: воззвания, сбор

денег и вещей, отправка санитарных отрядов в Герцеговину и Черногорию, различные органы печати, в которых влияние комитетов было весьма значительным. Таким образом, события в Болгарии нашли в России подготовленную почву.

В черняевской газете «Русский мир» ещё за несколько дней до восстания появилось сообщение о том, что в Ниш стягиваются турецкие войска, в связи с опасностью волнений среди болгар. Сообщалось об аресте одного из членов тырновского революционного комитета, учителя Николы Славкова¹⁸ 24 апреля в петербургской газете «Голос»¹⁹ наряду с публикацией информации из Вены мы находим уже непосредственный отклик на начавшееся 21 апреля восстание в Копривнице и Панагюрице. «Телеграмма из Вены от 4 мая принесла сегодня известие, крайне важное и предвещающее новые осложнения в замешательствах на Балканском полуострове... Существенная сторона вопроса заключается в постепенно разгорающемся пожаре на Балканском полуострове, в возмутительных поступках мусульман, с каждым днём побуждающих всё большее число христиан к попыткам свергнуть с себя ненавистное турецкое иго, в ненадёжности турецких войск, которые Порты предлагает раيه в защитники против фанатизма мусульманского населения, между тем как они сами являются участниками во всевозможных зверствах, и, наконец, в совершенном бессилии Турции управиться с ежедневно возрастающим восстанием»²⁰. В этих словах яркая оценка положения в Европейской Турции и указание на опасность возникновения подобных явлений на Балканах.

29 апреля «Русский мир» в полученной от собственного корреспондента телеграмме из Белграда сообщал: «Восстание в Болгарии началось. Прибалканские селения взялись за оружие. Турки отправили спешно шесть батальонов и три батареи из Ниша к Софии»²¹. 2 мая последовала вторая телеграмма из Белграда, а за нею, с 5 мая, — ряд корреспонденций из Тырнова, в которых очень подробно излагались события, имевшие место в тырновском революционном округе. В мае уже все русские газеты печатали подробные известия о жестокой резне, учинённой турецкими властями в Болгарии. 5 мая «Голос» писал: «Получаемые же с Востока сведения доказывают, что с каждым днём становятся всё более и более настоятельным дать как можно скорее сильный урок мусульманским фанатикам... Желательно, чтобы энергичное вмешательство России, поддержанной прочими европейскими великими державами, прискало верный исход для

¹⁵ Victor Hugo. «Pour la Serbie. Oeuvres complètes. Actes et paroles. Depuis l'Exile, 1876—1881», p. 4—7. Paris. s. a.

¹⁶ Жирарден Э. «Позор Европы» (La honte de l'Europe), стр. 93. СПб. 1877.

¹⁷ Harris D. «Britain and the Bulgarian horrors of 1876». 437 p. Chicago. 1939; Wirthwein Ph. «Britain and the Balkan crisis 1875—1878». 433 p. New York. 1935.

¹⁸ «Русский мир» от 21 апреля 1876 г.; «Русские ведомости» от 23 апреля 1876 года.

¹⁹ «Голос» — газета умеренно-либеральных кругов общества. Редакторами её были А. Краевский и В. Бильбасов, члены Петербургского славянского комитета.

²⁰ «Голос» от 24 апреля 1876 года.

²¹ «Русский мир» от 29 апреля 1876 года.

скорейшего прекращения столь давно продолжающихся бедствий и кровопролития»²².

Несколько сдержаннее отозвались на восстание московские газеты, в том числе «Московские ведомости» и «Русские ведомости»²³. До середины мая они в основном ограничивались перепечаткой иностранных сообщений. Но с 18 мая «Московские ведомости» начали помещать самые подробные описания турецких зверств, причём корреспонденции поступали уже из Константинополя, Румынии и даже непосредственно с территории Болгарии из Филиппополя (позднее появляются корреспонденции из Бухареста, Систова, Гюргева).

Отсутствие редакционного архива не позволяет точно установить, кто были авторы этих корреспонденций, однако изучение текста даёт основание полагать, что это были местные жители или члены революционных комитетов. Так корреспонденция из Бухареста от 27 мая подписана членом болгарского народного комитета Вуксоновичем, да и другие сообщения посылались от лица самих болгар²⁴. Поступали сведения и от Московского славянского комитета через его председателя И. С. Аксакова и секретаря Н. А. Попова, которые получали их или непосредственно от болгар или через русских дипломатических агентов в Болгарии и Константинополе. «Московские ведомости» всегда очень полно отражали деятельность Московского славянского комитета, членом которого был их редактор М. Н. Катков. В «Русские ведомости» информация из Болгарии проникала через Н. Попова²⁵. Остальные газеты отставали от «Московских ведомостей» в отношении количества отправных пунктов собственной информации. Особое место занимало только «Новое время», имевшее своих корреспондентов в Филиппополе, Габрово, в Бухаресте. Черняевский «Русский мир» ранее всех сообщивший о подготовке восстания и ранее

других связавшийся с восставшими, ограничился лишь информацией из Тырновского округа. Что же касается «Голоса», то в период мая—июня на его страницах мы находим лишь две корреспонденции—без указания какого-либо определённого пункта, с простым упоминанием: «Из Болгарии». В первой из них, от 27 мая, сообщалось о восстании в Тырновском округе. Подчёркивалось, что черкесы и башибузуки «не идут против повстанцев, но против мирных деревень... Какие будут последствия, один бог знает. Турецкое правительство бессильно заглушить восстание и удержать мусульманский фанатизм»²⁶. 28 мая «Голос» передал текст «Воззвания Болгарского народного комитета». После этого корреспонденции с мест совершенно прекратились до декабря 1876 года. Объяснялось это, повидимому, тем обстоятельством, что тесно связанный через своих редакторов с Петербургским славянским комитетом «Голос», повидимому, отражал интересы комитета, который с большим и постоянным вниманием следил за делами Герцеговины, Боснии и Сербии. Болгарскому вопросу эта газета всегда уделяла меньше места. Весьма возможно, что первые корреспонденции из Болгарии поступили через отправившегося в Болгарию Николая Киреева, а также через И. С. Иванова и члена комитета В. С. Ионина, прибывшего туда в мае 1876 года²⁷.

Горячо встали на защиту болгар «Отечественные записки», орган легального народничества. События в Болгарии, зверства турок явились для журнала подтверждением необходимости скорейшего выступления в пользу славян. Ещё в июне 1825 г.²⁸ в статье «Воевать или не воевать» журнал резко ставил вопрос о том, что в случае, если силы дипломатии не сумеют привести к торжеству правды, т. е. к освобождению славян, то Россия должна вступить в борьбу: «Тогда зажжём пламя войны во всей Европе, сольёмся со всем славянским миром, будем драться по-герцеговински и подобно Александру I дадим обет не положить оружия, пока не добудем свободы для всего славянского мира, для славян не только турецких, но и австрийских»²⁹. В связи же с опубликованием официальных отчётов о бедствиях болгар, вновь возвратившись к вопросу «воевать или не воевать», журнал заявлял: «А Россия должна идти своим путём. Она находится по отношению к славянам в исключительном положении; она не может оставить славян без помощи и передать их снова во власть туркам. Они должны прямо и твёрдо заявить другим державам, что если дипломатия не устроит автономии балканских славян, то она одна обязана будет исполнить по отношению к славянам свой долг, а отклонить его от себя под предлогом тех или

²² «Голос» от 5 мая 1876 года.

²³ «Русские ведомости» — газета либерального направления. Редактировалась И. Скворцовым. В вопросах внешней политики не открывалась от сотрудничества с авторами панславистского направления. Так, передовые статьи по вопросам славянской политики писались секретарём Московского славянского комитета славянофилом Н. Поповым.

²⁴ «Московские ведомости» от 27 мая 1876 года. «Из Букурешта».

²⁵ В архиве Н. Попова (Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. М. 3602) находится письма болгар Стоянова-Бурмова (с 60-х годов имел тесные связи со Славянскими комитетами и русским посольством в Константинополе. С 1878 г.—председатель Совета министров Болгарии), Каракановского (врач при русском посольстве в Константинополе) и дипломатического представителя России в Филиппополе кн. А. Церетелева к Н. Попову, в которых подробнейшим образом описываются события в Болгарии. Авторы писем призывают русское общество принять все меры для оказания помощи болгарам.

²⁶ «Голос» от 27 мая 1876 года.

²⁷ О деятельности Ионина см. дальше.

²⁸ Заметим, что в журналах статьи помещались с некоторым запозданием.

²⁹ «Отечественные записки», июнь 1876 г., стр. 375.

других возможных последствий она даже не имеет права»³⁰.

В рецензии на книгу Иречека «История болгарского народа», озаглавленной «Недобитый народ», «Отечественные записки» в самых тёплых тонах рисовали возрождение Болгарии в 60—70-х годах XIX века. Рецензия заканчивалась восклицанием: «Неужели же она (Болгария.—И. К.) встала за тем, чтобы её уложили в этот страшный гроб вторично и навсегда? А похоже на то»³¹.

Говоря о том, как быстро реагировала русская печать на происходившие в Болгарии события, интересно отметить разницу в оценке восстания различными периодическими изданиями, хотя все они выражали полное сочувствие восставшим. Здесь мы встречаемся с чрезвычайно любопытным явлением: такие петербургские газеты, как «Русский мир», «Голос», «Новое время», рисуют восстание как результат давних стремлений болгарского народа к независимости, как результат заранее подготовленных действий. (Они, правда, не скрывают, что движение началось преждевременно и что это послужило причиной его неудачи.) Для первых телеграмм «Русского мира» характерно даже некоторое преувеличение степени подготовленности восставших. Редактор газеты и на первых порах самый усердный её корреспондент, генерал Черняев так писал из Белграда: «Всё, что было возможно, сделано народом для предстоящей борьбы. Оружие, какое только было в Румынии, закуплено... Они (болгары.—И. К.) действуют по определённой программе»³².

Более поздние корреспонденции «Русского мира» находятся в резком противоречии с указанной выше: в них говорится о недостатке оружия, отчаянном положении болгар и т. д. Да это и понятно, если вспомнить, что именно полное отсутствие определённой программы и наличие противоречия между отдельными вождями движения в значительной степени определили неудачу восстания, не говоря уже о стихийности его возникновения.

«Новое время» в статье «Народ-мученик», вспоминая неудачные восстания болгар в 30—40-х и 60-х годах XIX в., выражало надежду, что настоящая попытка будет удачной, что и для этого народа заблестит заря новой жизни, о которой он так бесплодно мечтал в течение последних веков и которую заслужил вековыми страданиями³³.

«Московские ведомости», «Русские ведомости», «Гражданин» изображали дело иначе. Для них восстание—результат вероломного нападения мусульман на мирное население, или результат провокации турецких агентов, или средство обороны от нападения разъярённых фанатиков и громил.

Такого мнения придерживался автор сообщения «Московских ведомостей» из Филиппополя от 30 апреля. Он подчёркивал, что волнения населения возникли не в результате какой-либо подготовки со стороны революционных комитетов, а в результате провокации со стороны мусульман³⁴. «Русские ведомости» в передовой от 22 июня прямо отрицали факт восстания: «Как далека была Болгария от восстания, можно судить уже из того, что в какие-нибудь три или четыре недели несколько высланных в неё шаек башибузуков могли выжечь сотни селений и истребить до 100 000 жителей, чего, конечно, не могло бы случиться в столь короткий промежуток времени, если бы жители были настолько вооружены, чтобы оказать какое-либо сопротивление. Лёгкость и быстрота произведённых опустошений объясняются лишь тем беззащитным состоянием, в котором были застигнуты болгары»³⁵. «Гражданин» в разделе «Иностранное событие» также писал, что план истребления христианского населения был заранее обдуман и составлен мусульманами, а выступление болгар было ответным—с целью защитить свою жизнь, своих жён и детей от зверств турок³⁶.

В корреспонденции «Русских ведомостей» из Константинополя, написанной якобы от лица одного болгарского беженца из Филиппополя, болгарское восстание изображалось как провокация турецких агентов, которые под видом членов тайных народных комитетов поднимали народ против турок, а сами исчезли при появлении турецких войск. «Тогда только мы поняли гнусную измену и адскую махинацию, которую целую зиму изготовлял Мидхат»³⁷.

Эти газеты умышленно замалчивали факт довольно длительной, хотя и неудовлетворительной подготовки восстания революционными комитетами.

Вполне уместно объяснить подобную разницу в оценке болгарского восстания общим направлением указанных газет.

Редактировавшийся Черняевым «Русский мир» выражал взгляды панславистов. Сам генерал Черняев принадлежал к шовинистическим и реакционным кругам общества. Газета помещала информацию о действиях восстанческих комитетов в Болгарии, сочувствовала им и требовала помощи инсургентам, солидаризуясь в основных своих устремлениях с панславистами, проповедывавшими гибель Турции и осуществление покровительственной миссии России по отношению к славянам.

Газеты этого типа отражали настроения двух различных групп панславистского течения, расходившихся в мнениях только по вопросу о методах действия. Одни—сторон-

³⁴ «Московские ведомости» от 23 мая 1876 года.

³⁵ «Русские ведомости» от 22 июня 1876 года.

³⁶ «Гражданин» от 30 мая 1876 года.

³⁷ «Русские ведомости» от 26 августа 1876 года. Мидхат-паша—турецкий государственный деятель.

³⁰ «Отечественные записки», сентябрь 1876 г., стр. 97.

³¹ Там же, стр. 22.

³² «Русский мир» от 25 мая 1876 года.

³³ «Новое время» от 13 мая 1876 года.

ники мирного дипломатического разрешения вопроса—ограничивались воздействием на правительство и общество («Московские ведомости» — Катков, «Гражданин» — Мещерский), другие («Русский мир» — Черилев, Славянские комитеты) брались за практическое разрешение восточного вопроса, не считаясь с осторожной позицией правительства. Отсюда—естественное сближение их со способными к действию революционными группами среди самих балканских народов.

Указанное различие отразилось и на характере источников информации газет. Так, большинство собственных корреспонденций «Московских ведомостей» поступало из Филиппополя, где в то время находился Найден Геров, русский консул в Филиппополе. Болгарии по происхождению, воспитанию Ришельевского лицея в Одессе, учитель в Филиппополе в 40-х годах, русский консул в том же городе с 1857 г., Геров был тесно связан с так называемыми «нотабиями», или «старыми». Когда апрельское восстание кончилось неудачей, «старые» были склонны обвинить «молодых» в измене. Апрельские события в Болгарии «старые» старались изобразить только как организованную турками резню, выудившую доведённое до последней степени отчаяния население сопротивляться. Найден Геров, отражая эти взгляды в своих донесениях русскому послу в Константинополе, графу Н. П. Игнатьеву, постоянно подчёркивал, что, собственно, никакого восстания не было, а произошли лишь беспорядки, вызванные угрозами турок. Он нигде не говорит о членах горьковского комитета или местных комитетов. Лишь в одном месте он упомянул «эмиссаров», не успевших сделать что-либо существенное. Он ни одним словом не упоминает о провозглашении свободной республики в Панагюрском округе³⁹. Эта позиция Герова, по-видимому, нашла отражение и в направлении «Московских ведомостей», с которыми он мог иметь связь через члена Московского славянского комитета—дипломатического представителя России в Филиппополе в 1876 г., кн. Церстелева.

Установить эту связь помогает записка Николая Киреева, присланная им из Бухареста в Герцеговинскую комиссию Петербургского славянского комитета. В ней содержится очень подробное описание событий в Копривнице, Панагюрице, Перушице и других местах Болгарии. Киреев начал её следующими словами: «Милостивые государи. К тем сообщениям, которые я имел честь сообщить вам в вырезках из «Одесского вестника», могу прибавить ещё несколько таких, которые я имел случай достать уже здесь; хотя они почеркнуты и из частных источников, но не лишены и всеобщего доверия здешней публики, они представляют отрывочные сведения, но взятые вместе окрашивают турецкий характер восстания и доказывают, что оно было

вызвано турками, а не каким-либо посторонним влиянием»⁴⁰.

При сравнении описания волнений в Перушице Киреевым с текстом доклада Герова по тому же поводу поражает почти полное совпадение отдельных выражений⁴⁰ и общего направления сообщений.

Очевидно, источником записки Киреева являются сведения, полученные через Герова. Киреев закончил письмо следующими словами: «Прошу: 1) эти сообщения в копии переслать в Московский комитет к Аксакову, авось он этими ужасами припугнёт белокаменную старушку, и 2) если комиссия найдёт это возможным, переслать это в редакцию «Русского мира» и попросить напечатать в этой единственной русско-славянской газете»⁴¹. Неизвестно, получил ли Аксаков эту записку Киреева. Весьма возможно, что она была ему переслана и что он отдал её редактору «Московских ведомостей» М. Н. Каткову для использования если не полностью, то в качестве материала для корреспонденции⁴². Однако в «Московских ведомостях» за период 1876 г. мы не находим корреспонденций из Болгарии, в частности из Филиппополя, которые можно было бы приписать перу Киреева. Тем не менее направление этих корреспонденций полностью отвечает характеру записки Киреева— в них также доказывалось, что восстание было вызвано турками, а не каким-либо посторонним влиянием⁴³.

Если вспомнить, что консервативная английская и австрийская печать в то время неустанно писала о том, что восстание в Болгарии по поручению русского правительства спровоцировано агентами славянских комитетов⁴⁴, то легко понять, что га-

³⁹ Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. «Докладная записка Н. А. Киреева о восстании в Болгарии». М. 3611/15, л. 367.

⁴⁰ Так, например, в записке Киреева говорится: «Только на третий день послали для узнания о случившемся комиссию, состоящую из двух турок и одного болгарина». У Герова читаем: «Только на третий день, во вторник, была послана комиссия из двух турок и одного болгарина».

⁴¹ Там же, л. 368—370. В статье Никитина С. «Письма и записки Н. А. Киреева», подготовленной для «Славянского сборника» Отдел. рукописей Государственной библиотеки СССР имени Ленина, подробно разобран вопрос об источниках информации Киреева. Автор считает, что сведения шли от русского консула в Бухаресте Зиновьева.

⁴² О связях Аксакова с Катковым по издательским делам см. Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина, фонд М. Н. Каткова. Письмо Аксакова к Каткову от 9 августа 1877 г. Кат. 1/5 и др.

⁴³ Особенно интересна в этом отношении корреспонденция «Подвиги башибузуков и черкесов среди болгар. Выдержки из частных писем». «Московские ведомости» от 27 июня 1876 года.

⁴⁴ Документы за «Българската история». Т. II, стр. 192—200.

³⁹ Документы за «Българската история». Т. II, стр. 155—168. София. 1932.

зеты, связанные с комитетами и в силу своих реакционных позиций поддерживавшие правительство, стремились своё сочувствие болгарам представить, как оказание помощи не повстанцам, а людям, которые были вынуждены взять в руки оружие не по собственной воле, а в результате провокации⁴⁵.

Вне сомнения, такие реакционные издания, как «Московские ведомости» и «Гражданин», пугала также революционность болгар. Что же касается «Русских ведомостей» (газета либерального направления), то в их корреспонденциях нашла отражение точка зрения болгарских буржуазных кругов. И Геров, и Стоянов-Бурмов, и Каракановский, а вслед за ним и Церетелев давали подобное толкование болгарскому восстанию не только в силу своих политических взглядов. Они преследовали и другую цель: возбудить сочувствие и получить пожертвования со стороны возможно более широких слоёв общества, в том числе и консервативных, для которых слова «восстание», «восставшие» были слишком страшны, а описание страданий и бедствий ни в чём не повинных мирных православных болгар, притесняемых турками, могли вызвать сострадание и щедрые давания. Те же цели преследовал Геров и в своих официальных донесениях Игнатьеву: русское правительство призвалось помогать не бунтовщикам, а терпящим насилие от мусульман мирным жителям. Записка Киреева, написанная под несомненным воздействием болгарской тенденции, также пропитана подобным стремлением и имела агитационный характер — особенно в этом убеждают уже приводившиеся слова записки: «Авось он (Аксаков — И. К.) этими ужасами припугнёт белокаменную старушку», т. е. консервативную Москву, страшущуюся всякого напоминания о бунте против законных властей, но сочувствующую православным, угнетаемым неверными турками.

Петербургские газеты в силу занимаемой ими позиции искали иных источников информации и были, повидимому, связаны с членами повстанческих комитетов. Это особенно характерно для «Русского мира», в тырновских корреспонденциях которого неоднократно упоминаются имена таких выдающихся борцов за освобождение Болгарии, как Тодор Каблешков, Никола Кабакчиев и др. Неудивительно поэтому, что записка Киреева, несмотря на его просьбу, не была опубликована в «Русском мире», поскольку тенденция её не соответствовала направлению газеты в этом вопросе. Таким образом, Черняев явился выразителем настроений тех панславистов, которые

считали, что при создавшихся обстоятельствах нужно приводить в движение все силы, которые могут привести к гибели Турцию и способствовать освобождению славян и решению восточного вопроса в желательном для России направлении.

Той же позиции в силу несколько иных соображений придерживалось «Новое время». Его редактор Суворин прекрасно учитывал обстановку и славянские симпатии русского общества, питавшиеся в разных кругах различными мотивами. Как известно, одни стремились к распространению русского влияния на народы освобождённого от турок Балканского полуострова, другие желали освобождения славян без всяких захватнических целей. Но интерес к славянам существовал и у тех и у других.

Коммерческие интересы и погоня за подписчиками всегда побуждали Суворина давать газете то направление, которое могло быть в данный момент наиболее популярным в обществе, тем более, что при негласном поощрении правительства это было и неопасно. Михайловский в «Отечественных записках» исключительно ярко охарактеризовал тогда роль «Нового времени»: «Газета, которая ещё вчера зывалась к себе подписчиков пикантным романом с раздетыми кокетками и тайнами их будuarов, её издатель, прославившийся сколько талантливым игровостью своего остроумия, столько же непостоянством своих убеждений и до сих пор известный скорее своим пренебрежением, чем сочувствием к «славянской идее», — эта газета и этот издатель становятся вдруг руководителем великодушной общественной симпатии»⁴⁶.

В эти дни русская печать, однако, не ограничивалась одним выражением сочувствия и признания по адресу болгар. Редакции газет стали центрами сбора пожертвований. Нельзя, к сожалению, установить размер оказанной помощи собственно болгарам через посредство газет, поскольку об этой помощи сообщалось под общей рубрикой «В пользу славян Балканского полуострова».

Дабы возбудить большее сочувствие общества и правительства к страданию болгар, газеты помещали воззвания о помощи, исходившие от лица самих болгар.

С той же целью публиковались воззвания о помощи болгарам различных русских и зарубежных благотворительных обществ и подробно освещалась их деятельность. Так, «Московские ведомости» и «Русские ведомости» помещали подробную информацию о деятельности Московского славянского комитета; «Голос», отчасти «Новое время» и «Русский мир» делали то же в отношении С.-Петербургского отделения Московского комитета.

В те дни в русских журналах и газетах помещалось много очерков, посвящённых истории, быту и нравам болгар. Выпускались

⁴⁵ Любопытно примечание Церетелева в его письме к Н. Попову от 27 мая 1876 г.: «Если сообщённое вам пожелаете передать печати, сделайте это без моего имени. Вы знаете наши порядки, т. е. то, что касается турецких зверств, не должно иметь вида официального сообщения». Так русское правительство хотело скрыть перед Европой своё участие в судьбе болгар (Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина. Архив Н. Попова, М. 3602).

⁴⁶ Михайловский Н. «Записки профана». Соч. Т. III, стр. 855. 4-е изд. СПб. 1907.

брошюры, которые имели не только познавательный, но и агитационный характер, авторы их призывали русскую публику к пожертвованиям.

Наиболее активными организаторами помощи восставшим и пострадавшим от турецких неистовств болгарам, естественно, явились Петербургский и Московский славянские комитеты, которые также собирали пожертвования и посредничали в пересылке их к месту назначения. Нельзя отрицать того факта, что славянские комитеты, несмотря на великодержавно-панславистскую целеустремлённость их действий, сыграли положительную роль в деле помощи болгарам в дни тяжёлых испытаний, а также в распространении знаний о них в России, в возбуждении сочувствия к ним. Так, Николай Киреев после посещения Берлина и Вены поехал через Варшаву и Кишинёв в Бухарест, куда прибыл 15 мая, когда болгарское восстание было почти повсеместно подавлено турецкими войсками. В Бухаресте у него завязались тесные связи с представителями революционной болгарской эмиграции, с так называемой партией «молодых». Перед Киреевым и приехавшим вместе с ним И. С. Ивановым встал вопрос о том, чтобы как можно скорее оказать помощь тем разрозненным отрядам повстанцев, которые, удалившись в горы, ещё продолжали оказывать сопротивление. В Кладове в это время собралось около 600 болгар, во главе с такими опытными воеводами, как Панајот Хитов, Филипп Тотю, Цока и др. Последнее ожидали, что сербское правительство выдаст им оружие и поможет переправиться в Болгарию на помощь восставшим. За поддержкой болгары обратились к Кирееву. Он решил, что с их помощью можно ещё организовать в Болгарии новое восстание, и поэтому настоятельно требовал от Комитета присылки денег, которые поступали, повидимому, весьма неаккуратно⁴⁷.

Из-за недостатка средств Николаю Кирееву не удалось организовать новые повстанческие отряды (четы) и переправить их в Болгарию. Упомянутые выше болгары позднее были направлены в Сербию, где и сражались в рядах сербской армии.

Киреев попытался организовать в Бухаресте новый революционный комитет для организации сбора пожертвований, оказания помощи пострадавшим и для постепенного собиранья разрозненных болгарских повстанческих комитетов с тем, чтобы в дальнейшем подготовить новое восстание. Однако резкие противоречия между «старой» и «молодой» партиями помешали тогда осуществлению его замысла⁴⁸. Очевидно, сопротивление так называемых «нотабилей»,

т. е. представителей болгарской буржуазии, не желавшей давать средства на организацию нового революционного комитета, было столь велико, что Киреев был вынужден, не добившись успеха в этом деле⁴⁹, отправиться в Белград. Он вскоре погиб в одном из сражений во время сербо-турецкой войны, в которой участвовал в качестве руководителя русско-болгарского ополчения. Смерть Киреева произвела сильное впечатление в России, так как он был первым русским, погибшим в борьбе за свободу славян. Известным почётом пользовалось его имя и среди болгар. Об этом говорят записи в дневнике его брата: «Ионин⁵⁰ говорит, что, пока у болгар был брат, они дрались отлично (брата и они и сербы боготворили)»⁵¹. О том же свидетельствует и сохранившееся письмо возникшего в июле 1876 г. Центрального болгарского благотворительного общества в Бухаресте, которое выражало благодарность Александру Кирееву за его деятельность по оказанию помощи Обществу и, между прочим, извещало чувство благоговения «к памяти Киреева».

Уже в мае и июне 1876 г. в Петербургском комитете принимались меры к тому, чтобы послать восставшим болгарам деньги и оружие. В начале мая в Бухарест направился член Комитета В. С. Ионин, брат русского консула в Рагузе, один из бывших чиновников Министерства иностранных дел, не раз бывавший на Балканах⁵². Он привёз с собой 10 тыс. рублей. Само собой разумеется, что присланных средств хватило ненадолго, отсюда понятны требования Н. Киреева о немедленной высылке дополнительных сумм. В Петербурге брат его Александр Алексеевич Киреев вёл переговоры с товарищем министра иностранных дел Н. К. Гирсом. В результате этих переговоров удалось добиться некоторых денежных ассигнований, но попытки получить разрешение на вывоз оружия потерпели неудачу, так как против этого решительно возражал военный министр Милютин. Возражения последнего, очевидно, вызывались тем, что иностранные дипломатические представители постоянно запрашивали министерство иностранных дел относительно характера оказываемой Болгарии помощи со стороны России. Министерство иностранных дел отвечало, что оказываемая помощь—дело частной инициативы. Но так можно было решать вопрос в отношении

⁴⁹ Об этом см. Иванов И. «Болгарское ополчение и его формирование в 1875—79 гг.». Сб. статей И. С. Иванова, стр. 115—116. Кишинёв. 1896, а также цитированное выше письмо Киреева к брату.

⁵⁰ Повидимому, В. С. Ионин — брат консула в Рагузе, член Петербургского комитета, о его деятельности в Болгарии см. ниже.

⁵¹ Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник Киреева, 1876, К-6, л. 132.

⁵² Об Ионине см. Русский биографический словарь. Том «Ибак—Ключарёв»; стб. 320—321. СПб. 1897.

⁴⁷ Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Фонд Киреевых — Новиковой. Киреев Н. А.—Кирееву А. А. Б. д. 1876, май. Бухарест. М. 3611, л. 386.

⁴⁸ О противоречиях этих партий говорилось выше.

денег, — поставка же оружия была делом более щекотливым⁵⁹.

В начале июля С.-Петербургский комитет обратился к русской публике с воззванием об оказании помощи болгарам. Воззвание было написано членом Комитета Орестом Миллером и подверглось значительным изменениям при прохождении цензуры в министерстве иностранных дел⁶⁰. Оно было распространено в сотнях экземпляров, раздавалось в церквах и на улицах, его напечатали на всех подписных листах Комитета. Для Финляндии оно было переведено на финский и шведский языки. Тогда же Миллер написал особое воззвание к Америке, переведённое на английский язык членом Комитета Г. Деволанном. Оно, правда, не нашло соответствующего отклика в США: в примечании к его тексту, опубликованному в сборнике статей и речей Миллера, читаем: «Обращение это осталось без ощутительных последствий. Впрочем, приношения могли непосредственно доставляться из Америки южным славянам»⁶¹.

Такова была деятельность Комитета в первые месяцы после восстания. В дальнейшем он завязал тесные сношения с революционной болгарской эмиграцией. Выше упоминалось, что в конце мая 1876 г. в Бухарест, по поручению Комитета, поехал В. С. Ионин. Ему удалось сделать то, чего так добивался Николай Киреев, а именно — организовать там новый Комитет. В состав Комитета вошли представители левого крыла болгарской эмиграции — Кириак Цанков, Олимпий Панов, Иван Грудов, П. Янчев и др. На учредительном заседании Комитета почётным его председателем был избран Владимир Ионин. Был составлен особый акт избрания членов. В целях конспирации, дабы усыпить бдительность румынских властей, Комитет назвал себя Центральным болгарским благотворительным обществом, хотя по существу являлся организацией, подобно прежним комитетам ставившей своей целью постепенную подготовку нового вооружённого восстания против турок. Однако название «Комитет» было слишком одиозным как для румынского правительства, так и для болгарских «нотаблей», которых Ионин уговорил принять участие в организации Общества, подчёркивая тем самым его якобы чисто благотворительный характер. В письме к Александру Кирееву от 11 июля 1876 г. Ионин писал: «По учреждении мною болгарских благотворительных обществ в одиннадцати городах Румынии я созвал в Бухаресте делегатов организованных обществ и в заседании 10 июля были избраны члены центрального благотворительного общества. Вряд ли надежда вновь учреждённых обществ, образ действия которых будет согласен с требованиями настоящих обстоятельств, возлагается на под-

держку наших комитетов. Если же им будет отказано в денежной помощи, то это возбудит страшное неудовольствие и моё положение сделается крайне неприятным». К письму был приложен акт избрания членов комитета⁶².

В ответ на просьбу Ионина С.-Петербургский комитет отправил в Бухарест на имя русского консула Зиновьева 9003 рубля. Деньги эти, однако, очень долго пролежали без движения. Причиной тому были, очевидно, разногласия между членами Петербургского комитета, с одной стороны, и Московского комитета и Аксакова — с другой, по вопросу о назначении этих денег. По настоянию Аксакова они в конце концов были использованы на русских добровольцев в Сербии. Возможно, для того, чтобы убедить руководство Комитета в необходимости поддержать болгар и вновь образованное общество, Ионин на время приехал в Петербург. В сентябре 1876 г. он опять направился в Бухарест. На этот раз его целью, по выражению А. Киреева, было «агитировать Болгарию, помогать жертвам и в особенности просматриваться»⁶³.

Поездка Ионина в Бухарест была, видимо, связана с тем, что к этому времени уже становилось ясным неминуемое поражение Сербии и было очевидно, что России рано или поздно придётся вмешаться и выступить против Турции. Болгария должна была стать ареной военных действий. Нужно было подготовить почву для возможно более успешного продвижения русских войск, которым очень могло бы помочь восстание внутри самой Болгарии⁶⁴. С этой целью и велись переговоры с Центральным бухарестским комитетом, который должен был сплотить болгар на борьбу против турок. В октябре 1876 г. члены его прибыли в Петербург⁶⁵. К сожалению, неизвестно, о чём шла речь на совещаниях с представителями Бухарестского комитета и к каким пришли результатам.

В конце декабря 1876 г. Ионину удалось созвать в Бухаресте первый «соброр» Центрального бухарестского комитета. В зале, украшенном портретами Н. Киреева, Х. Ботева, В. Ионина, собрались многочисленные представители благотворительных обществ и

⁵⁹ О возникновении Центрального бухарестского комитета см. Станев Н. «България под иго», стр. 434. София, 1928; статью Пушкиревича К. «Балканские славяне и русские «освободители». (Славянские комитеты и события на Балканах перед русско-турецкой войной 1877—1878 гг.) — в книге «Труды Института славяноведения АН СССР». Т. II, стр. 189—229. Л. 1934. Цитируемое письмо Ионина к А. Кирееву приводится по указанной статье, стр. 201. Там же приведён и акт избрания.

⁶⁰ Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 28 сентября 1876 г., К-7, л. 102.

⁶¹ Отметим, что это точка зрения Комитета, но не правительства.

⁶² Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 1876. К-7, л. 110—111.

⁵⁸ Отдел рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 1876, 22 мая. К-6, л. 123—124.

⁵⁹ Там же, 25 июня, К-6, л. 125, 127.

⁶⁰ Миллер О. «Славянство в Европе. Статьи и речи 1865—1877», стр. 206—207. СПб. 1877.

местных комитетов. Присутствовавший на заседании «собора» корреспондент «Голоса» так оговаривал об его участниках: «Смотря на их приёмы, слушая их соображения, приобретаемые только путём долгой практики в делах политики, можно было подумать, что эти люди давно уже пользуются самостоятельной жизнью и давно уже заседают в парламентах». В передовой статье того же номера «Голоса» подчёркивалась огромная роль болгарской эмиграции в деле ознакомятия Западной Европы с истинными нуждами Болгарии⁶⁰. В дальнейшем Центральный бухарестский комитет много сделал для организации болгарского ополчения в составе русской армии, многие из его членов сами вступили в ополчение и сражались вместе с русскими. Комитет прекратил своё существование в конце апреля 1877 года.

Характеризуя деятельность С.-Петербургского комитета за описываемый период времени, необходимо указать, что в его делах болгарскому вопросу отводилось второстепенное место. Основное внимание уделялось Герцеговине, Боснии, Черногории, Сербии, поскольку, как было указано раньше, большинство членов Комитета не считало Болгарию силой, способной нанести удар Оттоманской империи, поражение же апрельского восстания, казалось, подтверждало это мнение. Болгарским вопросом, в сущности, занимался не весь Комитет, а отдельные лица, такие, как Николай Киреев, Владизир Иокин, отчасти Александр Киреев. Этим объяснялись постоянные колебания относительно целесообразности помощи болгарам, задержки с получением для этой цели денег.

Та же картина наблюдалась и в Московском славянском комитете. В период 1875—1876 гг. и здесь главное внимание уделялось Герцеговине, Боснии, Черногории и Сербии. Болгарские дела занимали второе место. Правда, до окончательного разгрома восстания председатель Московского комитета Аксаков, очевидно, под влиянием самих болгар, ещё надеялся, что выступление Болгарии повлечёт за собой активизацию народов Балканского полуострова. Поэтому он охотно жертвовал деньги и даже писал Н. Попову, что «нужно теперь Герцеговину заменять Болгарией»⁶¹. Когда же стало ясно, что восстание в Болгарии потерпело полный крах, внимание Аксакова обратилось на Сербию, которая вступила в войну с Турцией.

Вскоре после первых сообщений о кровавой резне болгарского населения Московский комитет выпустил воззвание к русской публике, в котором подчёркивалось, что дальнейшее сохранение Турции представляет опасность для существования славян⁶². В июне 1876 г. было выпущено

второе воззвание, сочинённое председателем Комитета И. Аксаковым. Это воззвание, несомненно, было написано не только в расчёте возбудить сочувствие общества, но и с целью оказать влияние на правительство. Об этом свидетельствует фраза: «И нет у них (у болгар.—И. К.) защитников во всём мире, кроме одной России... Но разве этого мало?» И, хотя за этим и следуют слова: «Представляя разрешение этого вопроса в отношении политическом высшим соображениям»,—смысл воззвания ясен: указание на историческую миссию России в отношении славян. Это было замаскированное требование вооружённого вмешательства в дела Турции. Александр Киреев в своём дневнике писал, что совершенно неожиданно для всех написанное в весьма страстном тоне воззвание Аксакова не подверглось цензурным изменениям и даже понравилось Горчакову, который, читая его, твердил: «Voilà comment il faut écrire!»,— в то время, как воззвание Миллера, совершенно умеренное по своему духу, было значительно переделано⁶³.

Призыв Аксакова имел успех. Приток денег в Комитет значительно усилился. В письме к Ф. В. Чижову Аксаков сообщал, что после того как было опубликовано воззвание, только за два дня к нему поступило 2 тыс. рублей⁶⁴. В речи от 24 октября 1876 г. он отмечал, что на русское общество особенно в Болгарии произвели такое впечатление, что не потребовалось особых стараний со стороны Комитета для того, чтобы возбудить сочувствие и сострадание к болгарам⁶⁵.

В связи с началом сербо-турецкой войны болгарские дела стали занимать Аксакова меньше. Он считал более целесообразным вместо болгар оказывать помощь успешно сражавшимся против турок сербам. В письме к товарищу министра иностранных дел Н. К. Гирсу в сентябре 1876 г. Аксаков писал, что славянские комитеты посылают людей и денежные средства в Сербию и Черногорию, так как рассчитывают на «радикальное и благоприятное для славян решение вопроса». Что же касается Болгарии, то поскольку не сделано главное — не устранён мусульманский фанатизм,—посы-

⁶⁰ Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 5 июля 1876 г., К-6, л. 127.

⁶¹ Там же, фонд Чижова. Переписка, папка 37.

⁶² Аксаков И. Соч. Т. I, стр. 221. В той же речи Аксакова есть указание на то, что в течение 1876 г. Комитет истратил специально на Болгарию 38 058 р. 68 к. Из них 10 тыс. руб. были посланы Комитету помощи болгарам в Константинополе под председательством советника русского посольства Нелидова. 13 тыс. руб. было послано в Сербию митрополиту Михаилу для раздачи болгарским и боснийским беженцам. На что именно были затрачены остальные деньги, сведений не имеется (там же, стр. 230). Остаётся также неизвестным, сколько было израсходовано непосредственно на болгар.

⁶⁰ «Голос» от 25 декабря 1876 г.; «Московские ведомости» от 6 января 1877 года.

⁶¹ Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Архив Н. Попова. М. 3602. Письмо Аксакова от 8 июня 1876 года.

⁶² «Московские ведомости» от 5 мая 1876 года.

лать туда людей и средства нет никакого смысла. Аксаков решительно отказывался помогать возникшему в Филиппополе по инициативе А. Н. Церетелева Международному обществу помощи болгарам, мотивируя это тем, что при сохранении турецких порядков пожертвования не будут использованы по назначению.

Александр Киреев писал по этому поводу: «Гирс предложил Аксакову принять участие в помощи Филиппопольскому округу, на что Аксаков ответил громовым письмом, в котором говорит, что незачем давать деньги в такие местности, которые будут, может быть, преданы дипломатией туркам. Письмо написано превосходно. Конечно, теперь все наши усилия должны быть направлены на Черняева»⁶⁶.

Русское правительство в то же время ещё колебалось в решении славянского вопроса и не принимало никаких мер к тому, чтобы обеспечить свободу славян, и в том числе болгар, путём вооружённого вмешательства. Это обстоятельство способствовало тому, что Аксаков предпочитал поддерживать Сербию и Черногорию, которые вели войну с Турцией.

Славянскими проблемами в те дни живо интересовались и в придворных кругах, где образовалась своего рода «партия действия», возглавлявшаяся наследником, будущим Александром III. К ней по своим взглядам примыкали русский посол в Константинополе гр. Н. П. Игнатьев, наставник Александра III—К. Победоносцев, гр. А. Д. Блудова, великий князь Константин Николаевич и императрица Мария Александровна, фрейлина Екатерина Тютчева. Все они считали, что Россия должна вступить в войну с Турцией и оказать этим помощь балканским славянам, иначе она утратит среди них свой престиж и уступит место Австрии и Англии, которые принимают энергичные меры к тому, чтобы завоевать симпатии славян и опорочить перед ними Россию. С другой стороны, война, по их мнению, отвлекла бы умы общества от внутренних неурядиц и революционных идей и укрепила бы авторитет самодержавия как внутри, так и за пределами страны. Отсюда покровительственное отношение наследника к деятельности славянских комитетов. Он даже выражал сожаление, что в силу ряда обстоятельств не может принимать активного участия в славянском деле⁶⁷.

В конце июня 1876 г. в Петербург из Египта возвратился отставной генерал Р. А. Фадеев⁶⁸—один из наиболее ярких представителей русского панславизма. Фадеев имел связи с Сербией, намеревался

возглавить сербскую армию в качестве главнокомандующего. Однако в этом его опередил Черняев. Тогда Фадеев решил заняться болгарскими делами. Явившись в июне 1876 г. в Петербург, он проник к наследнику и представил ему план организации нового болгарского восстания. Александру III проект понравился, и он отправил Фадеева в Москву с тем, чтобы тот оказал воздействие на московское купечество и побудил его к жертвованиям в пользу болгар. О переговорах Фадеева с московскими купцами писал в своём дневнике член Московского славянского комитета Ф. В. Чижов.

15 июля в «Московских ведомостях» и в «Русских ведомостях» было опубликовано обращение исполняющего должность старшины московского купечества С. М. Третьякова, в котором последний призывал московских купцов помочь страдальцам-болгарам и послать средства в образованную при Биржевом комитете комиссию. Тогда же было опубликовано почти аналогичное по содержанию обращение к русскому купечеству от Московского биржевого комитета⁶⁹. При образовании комиссии купцы жертвовали 130 682 р. 74 к. За период с 15 июля по 21 августа поступило 153 199 р. 82 к.⁷⁰ Деятельность комиссии проходила под неустанным наблюдением и покровительством наследника. Комиссия получила название «Болгарской». В письме к княгине Черкасской жена Аксакова Анна Фёдоровна сообщала, что наследник принимал комиссию во главе с Аксаковым ещё до открытия подписки, рекомендовал проводить последнюю без особого шума и вновь сказал: «Но знаете, с какой бы целью ни собрали, всё пойдёт на вооружение»⁷¹. На средства комиссии было закуплено 20 тыс. ружей системы Шаспо и 6 орудий. Однако это оружие очень долго оставалось без употребления, пока в начале 1877 г. оно не пошло на вооружение болгарского ополчения, в формировании которого участвовали и Московский славянский комитет и Болгарская комиссия. Аксаков и здесь играл руководящую роль. Повидимому, он ожидал, что оружие и деньги, собранные комиссией, будут правительством использованы на дело радикального освобождения Болгарии, о котором он писал в упоминавшемся выше письме к Н. К. Гирсу. Позднее он выражал негодование по поводу того, что переданное правительству оружие лежит без движения.⁷²

Состоявшее при Московском славянском комитете Дамское отделение в течение 1876 г. пыталось сделать кое-что для бол-

⁶⁶ Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Дневник А. А. Киреева, 11 сентября 1876 г., К-6, л. 130.

⁶⁷ Там же. Дневник А. А. Киреева, 22—25 апреля 1876 г., К-6, л. 120.

⁶⁸ Фадеев пытался убедить египетского хедива стать союзником России и выступить против Турции, но не добился успеха.

⁶⁹ «Московские ведомости» от 15 июля 1876 года.

⁷⁰ «Русские ведомости» от 5 августа 1876 г. и от 25 августа.

⁷¹ Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина, фонд Черкасского. Переписка Аксакова А. Ф.—Черкасской кн. Е. А. 1 июля 1876 г. Черк/II, 4/24—26.

⁷² Там же. Фонд Черкасского. Аксаков Черкасскому, 19 марта 1877 г. Черк/II, 4/17—19.

гарских девочек-сирот, а также девочек из семейств, наиболее пострадавших от турецких зверств. В октябре 1876 г. оно обратилось к русскому консулу в Филиппополе Н. Герову с письмом, в котором сообщало о намерении воспитать на свой счёт 15 болгарских девочек в возрасте от 9 до 15 лет, преимущественно сирот. Дамское отделение просило Герова оказать содействие в смысле отбора сирот⁷⁵.

При помощи Дамского отделения в Москву приехала знаменитая Райна Георгиева, участница восстания в Панагюрице. Накануне восстания молодой учительнице Райне Георгиевой повстанческий комитет поручил вышить знамя. 24 апреля, при всеобщем стечении народа, была провозглашена Панагюрская свободная республика и было освящено знамя. Райне поручили провезти его на коне по улицам Панагюрица. Когда турки ворвались в село, они схватили девушку, долго издевались над ней и бросили в тюрьму в Филиппополе, откуда она была освобождена английскими и американскими дипломатическими представителями. При содействии Герова и Константинопольского комитета помощи славянам она была направлена в Москву, где была за счёт Московского славянского комитета устроена в одном из монастырей в качестве пансионерки⁷⁶.

Из отчёта Дамского отделения за период с 1 октября 1876 г. по 22 января 1877 г. узнаём, что за его счёт в московских монастырях, институтах, пансионах и у частных лиц воспитывалось 27 болгарок в возрасте от 9 до 12 лет⁷⁷.

Для более полной характеристики деятельности славянских организаций в России необходимо сказать несколько слов об Одесском болгарском настоятельстве (возникло в 1854 г.), хотя сведения о нём чрезвычайно скудны. Одесское болгарское настоятельство принимало самое деятельное участие в организации восстания, оно оказывало помощь в переправке вооружённых отрядов из Румынии в Болгарию до начала восстания, посылало туда оружие⁷⁸. Когда в результате поражения восстания и учинённой турками резни началось бегство болгар в Россию, Одесское болгарское настоятельство сделало очень многое для того, чтобы разместить беженцев в частных одесских домах. Оно же выхлопало для беженцев

⁷⁵ См. Документы за «Българската история» Т. II, стр. 244. София. 1932.

⁷⁶ Автобиография панагюрской учительницы Райны Георгиевой, прозванной турками болгарской королевой. Перевод с болгарского. М. Издание Дамского отделения Славянского благотворительного комитета, 1877, стр. 64; «Русский мир», 1877, № 90, стр. 6 — рецензия на эту брошюру.

⁷⁷ «Московские ведомости» от 29 января 1877 года.

⁷⁸ Об этом см. письмо Аксакова к Н. Попову от апреля 1876 г., в котором тот замечал: «Движением руководит Одесский комитет». Отдел. рукописей Библиотеки имени Ленина. Архив Н. Попова. М. 3602.

50-процентную скидку на железнодорожные билеты. 25 болгарских девочек и 37 мальчиков было устроено Настоятельством в учебные заведения. По представлению Настоятельства русский посол в Константинополе гр. Н. П. Игнатъев исходатайствовал перед Портой освобождение из тюрьмы ряда болгарских учителей. В помощь болгарам через Константинопольский нелидовский комитет было отправлено 8 тюков тёплой одежды⁷⁹. Много вещей было переслано и в Филиппольское международное общество помощи болгарам.

Несмотря на эгоистические мотивы панславизма и на незначительность доли, внесённой славянскими комитетами и Одесским болгарским настоятельством в дело помощи восставшей Болгарии, несомненно, что их воззвания, брошюры, скромные пожертвования, собранные ими, наконец, такие факты, как попытки поддержать восстание и организация Центрального бухарестского комитета, объединившего революционные круги болгарской эмиграции, — всё это, вместе взятое, объективно сыграло свою положительную роль.

Болгары ощутили поддержку родственного русского народа, она способствовала укреплению освободительных стремлений в их среде. Деятельность славянских комитетов способствовала расширению сочувствия к болгарам со стороны русского общества и была лишним напоминанием правительству о необходимости принять меры в защиту балканских народов.

Сильное впечатление события в Болгарии произвели на передовую часть русской интеллигенции. Писатель В. М. Гаршин, тогда студент Горного института, писал товарищу 18 июня 1876 г.: «За сообщение новостей профессорского мира весьма благодарен, хотя, по правде сказать, электрофорная машина Теллова и соединение химического и физического обществ интересуют меня гораздо меньше, чем то, что турки перерезали 30 тыс. безоружных стариков, женщин и ребят. Плевать я хотел на все ваши общества, если они всякими научными теориями никогда не уменьшат вероятностей совершения подобных вещей⁸⁰». Гаршин всеми силами стремился в Сербию на войну, однако его не пустили, так как он был призывного возраста.

События в Болгарии побуждали молодёжь ехать на Балканы, на театр войны и там, помогая сербам в их борьбе против турок, спасать от насилий и зверств болгар и вообще всех славян. Эти настроения молодёжи особенно хорошо отражены в «Записках революционера» П. А. Кропоткина:

«Мои лучшие друзья — Сергей Степняк, Дмитрий Клеменц и многие другие — отправились на Балканский полуостров, чтобы

⁷⁹ Барсов Н. «Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (с 1854—1884) и материалы для истории освобождения Болгарии», стр. 40—52. Одесса. 1895.

⁸⁰ Гаршин В. Рассказы, стр. 21. 9-е изд. СПб. 1903.

присоединиться к инсургентам. Друзья писали мне: «Мы читаем корреспонденции «Daily News» о турецких зверствах в Болгарии, мы плачем при чтении и идём записываться в отряды инсургентов, как добровольцы или как сёстры милосердия»⁷⁹.

Под влиянием кровавых событий в Болгарии И. С. Тургеневым было написано замечательное по силе и остроте стихотворение-памфлет «Крокет в Виндзоре». Оно было направлено против английской королевы Виктории, которая, подобно своему премьер-министру Дизраэли, придерживалась туркофильской позиции и враждебно отнеслась к восстанию болгар. Стихотворение рисует Викторию, играющую в саду в крокет. Катятся шары, и вдруг королева

«Умолкла... лицо побледнело...
Ей чудится: вместо точёных шаров,
Гонимых лопаткой проворной,
Катаются целые сотни голов,
Обрызганных кровию чёрной»

Стихотворение датировано 26 июня 1876 года. Позднее, в октябре того же года, Тургенев в письме к княгине Черкасской писал: «Болгарские безобразия оскорбили во мне гуманные чувства: они только и живут во мне, и коли этому нельзя помочь как войною, ну так война! Зарезанные болгарские жёны и дети были бы не христианской веры и не нашей крови,— моё негодование против турок не было бы нисколько меньше». Он также сообщал, что пытался в переводе на английский язык поместить стихотворение в либеральной лондонской газете «Daily News», однако последняя отказалась, так как побоялась, что это оскорбит королеву»⁸⁰.

⁷⁹ Кропоткин П. «Записки революционера». Подготовка текста к печати и примечания Н. К. Лебедева, стр. 250. Л. «Академия». 1933. В книге Богучарского «Активное народничество» (СПб. 1912) имеется много материалов, говорящих о сочувствии народников к судьбе болгар, о связях их с представителями болгарского революционного движения — Любеном Каравеловым, Иваном Вазовым и другими, но непосредственных откликов на восстание мы имеем очень немного.

⁸⁰ Тургенев И. Соч. Т. X, стр. 531—532. 5-е изд. СПб. 1911.

⁸¹ Бродский Н. Неопубликованные письма И. С. Тургенева. Записки Института мировой литературы имени А. Горького. Т. I. 1946 (подготовлено к печати).

Негодование широких кругов русского общества по поводу зверств турок в Болгарии нашло отражение в многочисленных газетных статьях, стихотворениях, авторами которых были такие выдающиеся писатели, как Достоевский, Полонский, а также и неизвестные и часто бесталанные лица. Отразилось оно и в искусстве. Художник Константин Маковский, под впечатлением резни в Болгарии, написал имевшую большой успех и вызвавшую многочисленные рецензии и жаркие споры картину «Болгарские мученицы».

Итак, события в Болгарии заинтересовали прежде всего панславистские круги русского общества, которые рассмотрели в них один из желанных для них симптомов разложения и распада Османской империи. Поэтому они приняли на первых порах живейшее участие в судьбе болгар. Этими же причинами объясняется и некоторое охлаждение их к болгарам в связи с неудачей восстания. Необходимо отметить большую роль, которую они сыграли в смысле популяризации болгарской проблемы в России, в смысле возбуждения сочувствия к болгарам, сбора денег, пожертвований, наконец, в ознакомлении русской общественности с историей, правами и обычаями болгар.

Если поддержка болгар панславистами была связана с их великодержавными претензиями на гегемонию среди славянского мира, то отношение прогрессивных кругов русского общества было лишено этих эгоистических мотивов. Возмущение их было вполне искренним, в нём проявлялись бескорыстные симпатии и сочувствие к освобождению болгар и других народов Балканского полуострова. Болгарский вопрос тем более способствовал расширению этих симпатий, что он оказался близким по времени с выступлением сербов и черногорцев против Турции и из узко болгарского превратился в общий славянский вопрос.

События апреля 1876 г., вызвав к жизни болгарский вопрос, сделали его злободневным, политически-международным вопросом, разрешение которого стало насущной проблемой русской внешней политики.

Русское общество в дальнейшем не только не утратило интереса к судьбе Болгарии, но очень много сделало для того, чтобы побудить колеблющееся правительство к решительным действиям — вступлению в войну, которая принесла болгарскому народу долгожданное освобождение от пятивекового турецкого господства.